

Стаканчик бренди

Яреци Фернандез

В сознание назойливо вторгнулся сигнал мобильного телефона. Девушка что-то простонала, не желая вылезать из страны снов. Хотя снов она и не видела, находилась в пустой темной комнате с черными стенами и без дверей, но возвращаться в действительность ей не хотелось. Тут, в стране забвения, в стране, где Орфей искал свою Эвридику, было хорошо и спокойно. Но противный, назойливый и навязчивый сигнал мобильного телефона возвестил о том, что пора бы возвращаться в реальность.

Она открыла глаза и посмотрела на потолок. В первую секунду после пробуждения она даже и не поняла, где находится. Обстановка казалась незнакомой, и на нее начала накатывать паника. Липкой волной сковывая ее сознание. Она вздрогнула и села на постели. Голова снова заболела, а желудок в очередной раз потребовал еды. А тут еще до обонятельных рецепторов донесся запах какой-то еды. Она сглотнула и протерла лицо руками. Попыталась вспомнить, что было до того, как она заснула, и вздрогнула, вспомнив объятия мистера Мотидзуки. Болезненно закрыла глаза и застонала обреченно, когда осознала, что случилось. Она целовалась с ним. Это было не так страшно, как воспоминание того, что назвала его по имени. Она была рада, что он жив, она испугалась, когда увидела, что он повредил себе щеку и ногу. Целая гамма разных чувств заполонила ее сознание, она поддавалась порыву, и она испугалась этого. Она сделала что-то ужасное. Он... он никогда больше не посмотрит на нее. Сейчас он ее выгонит. И будет прав.

Снова запищал телефон, и она вытащила его из кармана джинсов. Пришло три сообщения, одно было от папы, который написал простое и такое сухое слово "хорошо". А два других - от оператора сотовой связи о том, что он приветствует ее в Китае и бла-бла-бла. Девушка выключила телефон и поморщилась. Запахи еды будоражили сознание, и она вышла из комнаты. Тору стоял у плиты и что-то готовил. Она остановилась у двери, слегка вздрогнула от скрипа половицы, прислонилась плечом к дверному косяку и виновато опустила голову. Хотелось сказать так много, но слова не хотели слетать с языка. Поэтому она просто так стояла.

Тору Мотидзуки

Убедившись в том, что Яреци крепко спит и, судя по всему, не собирается просыпаться в ближайшие часы, Тору решил начать с данного ей обещания и доковылять до деревенского лазарета. Но не успел он выйти из дома, как тут же натолкнулся на блуждающую неподалеку темную сущность, а точнее, свою рыжеволосую подругу. Как выяснилось из их разговора, Маргарита прибыла в деревню вместе с Яреци, но, ненадолго отлучившись, потеряла девушку из виду, а обнаружила уже, по ее выражению, при весьма пикантных обстоятельствах, которые не позволили ей обозначить свое присутствие. После этого с ее стороны последовало несколько шуток на тему совращения молоденьких девушек, на которые Тору отреагировал лишь вялым ворчанием. Он ожидал подобной реакции, и, по большому счету, хлесткие выражения были не так уж и далеки от истины. При объективном взгляде на ситуацию выходило, что он немного погорячился в

проявлении своих чувств, хотя, если отбросить все рациональные моменты, Мотидзуки ни о чем не жалел.

Общение с Маргаритой привело к тому, что она согласилась «поколдовать» над его ногой, возвращая ее во вполне приличное состояние, но отказалась убирать ссадину на скуле, заявив, что та ему даже идет. Закончив с лечением и дав ему указание заботиться о Яреци и не забывать вести себя хорошо, рыжеволосое стихийное бедствие отправилось в сторону монастыря. А сам Тору вернулся в дом и начал разбираться с продуктами, делая заготовки, из которых можно было бы в кратчайшие сроки собрать вкусное и сытное блюдо и накормить девушку сразу после ее пробуждения.

Только вот просыпаться Яреци будто и не собиралась. День сменился вечером, а она все продолжала спать, не давая Тору порадовать ее своими кулинарными способностями. Наконец, заметно проголодавшись за время ожидания, японец не выдержал и начал доготовливать лапшу с овощами, не без труда найденными на рынке, которую он планировал подать с обжаренным небольшими пластинками мясом яка. За этим процессом его и застала Яреци, вернувшаяся из мира снов в реальность и, видимо, пришедшая на запах готовящейся еды.

- Проснулась. – Тору на секунду обернулся, чтобы оценить ее состояние, но поскольку приготовление позднего ужина требовало его внимания, сразу вернулся к работе. – Не стой, как нашкодивший котенок, а лучше достань из шкафчика пару мисок и палочки. Сейчас будем есть.

Тору не очень хорошо представлял, как ему следует себя вести после их бурной встречи. *Продолжать в том же духе или поубавить свой пыл?* Так что сейчас он предпочитал погрузиться в мелкие бытовые вопросы, оттягивая момент, когда нужно будет определиться с ответом на главный вопрос: «что дальше?»

Яреци Фернандез

Она слабо вздрогнула на его голос и сглотнула. Кивнула головой и направилась к шкафчикам, чтобы подать мужчине миски и палочки. Потом села на циновку и прислонилась спиной к стене, прикрыла глаза. Было какое-то странное чувство, она чувствовала себя отвратительной не только в плане физическом, но и в эмоциональном. Было такое ощущение, что за время сна кто-то изжевал ее душу, выплюнул, растоптал и вернул ей обратно. С физическим телом было примерно то же самое.

Она боялась смотреть на него, решив, что он злится на проявлении тех эмоций, о которых она сама предпочитала не думать. Хорошо еще, что не дошло до постели, а то это был бы полный финиш. Некоторые одноклассники друг другу чуть ли не во всех красках рассказывали про момент лишения девственности, чего уж говорить об одноклассниках. Она сильно вздрогнула и мотнула головой. Решила умыться. После водных процедур стало как-то легче, и она, вернувшись на кухню, села за маленький столик.

- Извини меня, - тихо прошептала она. - Я не знаю, что на меня нашло. Я... - она сглотнула. Она совсем не знала, что ей еще говорить, поэтому просто решила

молчать. Хотя говорить, наверное, было бы проще. Она собралась с мыслями.

- Я сильно испугалась, когда мне начали сниться сны. Я хотела быть прорицателем, но эта сроспособность... я не хочу видеть будущее, я боюсь знать, что с кем-то происходит что-то плохое. Иногда этого лучше не знать. Я не могла понять, что за сны меня преследовали, но потом я поняла, что они были о тебе. Я видела тебя в горах, и каждый сон заканчивался тем, что ты падаешь. А потом... - она вздохнула и сжала руки в кулаки. - Я не могла учиться, я хотела занять себя чем-то, но... было страшно. Я рисовала себе разные ужасы. Я не могла просто учиться дальше. И я приехала сюда... я встретила с Маргаритой, и она заверила меня, что с тобой все хорошо... прости, тебе наверное не хочется это слушать?

Каждое слово, особенно неформальное к нему обращение, давалось ей с огромным трудом. Но слез уже не было, и это было прекрасно. Вряд ли ему хотелось разговаривать с психованной истеричкой. Или с влюбленной дурочкой, которая решила, что ей могут ответить взаимностью. Она боялась, что Тору скажет ей, что она для него всего лишь мелкая забавная девочка, которую можно воспринимать как ребенка...

Тору Мотидзуки

Помятый вид Яреци заставлял Тору нервничать. Она выглядела так, словно раскаивалась в проявленных при их встрече эмоциях, пробуждая в нем что-то похожее на чувство вины. Все-таки девушка была еще очень молодой и ей прощались вещи, недопустимые для зрелого мужчины, коим являлся он сам. Так что ответственность за то, что они перешагнули опасную черту, полностью лежала на нем.

- Не надо извиняться. Ты же не сделала ничего плохого. – Тору наполнил миски и подошел к столику, демонстрируя полное исчезновение хромоты. – Если что, я видел Маргариту. Она в общих чертах обрисовала произошедшее, а заодно и подлатала мою ногу.

Тору поставил миски, положил рядом с ними палочки, указывая Яреци, что она может начинать есть, но, прежде чем сесть напротив, немного притормозил. Царящая атмосфера угнетала, и ему хотелось сделать хоть что-то, чтобы ее изменить. Гениальных идей в голову не приходило, так что японец решил остановиться на старом проверенном способе, для чего отправился изучать алкогольные запасы старика-хозяина, с любовью собранные и спрятанные в его комнате. Старик Жонг знал толк в хорошем алкоголе, так что можно было не бояться нарваться на что-то паленое и вдвойне опасное для здоровья.

Свой выбор Тору остановил на бутылке настойки, которую и потащил к столику, захватив по дороге пару пиал. Мотидзуки не хотел спаивать Яреци, но если бы он отказал ей в возможности присоединиться к употреблению алкоголя, подчеркивая ее юный возраст, то тем самым признал бы себя извращенцем и любителем маленьких девочек. Последняя мысль показалась ему настолько ужасной, что он не удержался, вскрыл бутылку и, не доходя для столика, сделал сразу несколько больших глотков из горла.

Яреци Фернандез

Она не знала, что делать, куда себя деть, что делать с руками, поэтому она просто спрятала их между ногами, перед этим спрятав их в рукава свитера. Как будто было очень холодно, а она сидела не в тёплом доме, а где-то на уличной лавочке холодной и снежной зимой. Ей было неудобно за всё произошедшее, она винила себя в том, что позволила себе излишние эмоции. И если бы он не ответил на ее попытку поцелуя, было бы проще. Было бы легче. А так... он же не такой, как показывают мужчин в некоторых книгах? Жестокие, жёсткие, которые могут влюбить в себя девушку, а потом так же легко ее бросить. Она боялась себе даже представить, что он окажется не таким, каким она себе нарисовала в воображении еще тогда, во время первого посещения мастер-класса, который он вел. Но этот поцелуй... он был такой... он был совсем другим. Нежным, чувственным. Она даже не могла описать свои эмоции после поцелуя словами...

Мужчина поставил перед ней миску с лапшой, некоторое время постоял рядом, отчего вызвал у нее новый приступ какой-то непонятной паники. Она сглотнула и побледнела. Но он ушел, до неё дошёл смысл сказанного, что он видел Маргариту, которая подлечила его ногу. Эта весть вызвала слабую, но счастливую улыбку на лице девушки. Она облегчённо вздохнула - теперь нет необходимости переживать за него, но почему-то от этого не стало легче. Что будет дальше?

А дальше он принёс бутылку какого-то алкогольного напитка. И две пиалы. Больше в помещении людей не было, и она не знала, что именно будет правильным - пить вместе с ним, не пить вместе с ним или отговаривать его от употребления алкоголя. Наверное, стоит это сделать, так как сама она пила только один раз, и это был стаканчик мохито, после которого она позволила себе залезть в мысли Максима. А вдруг сейчас она под действием алкоголя сделает что-то плохое? Она же ментальный маг, ей казалось, что с такой способностью нельзя употреблять алкоголь, так как он сносит мозг, и сознание становится незащищённым. Но сейчас была совсем другая ситуация - ментального щита не было, не было даже сил его восстанавливать. И почему-то было спокойно, что никто не причинит ей вреда. Даже если бы Тору обладал ментальной магией, она была уверена, что он не стал бы этого делать.

Всего за несколько секунд в мозгу пронеслись не только разные, но и прямопротивоположные мысли о Тору. Если сначала она боялась, что он может поступить с ней так, как в книгах поступают отрицательные герои, то теперь, съев немного лапши, она немного притупила чувство голода, разъедающее не только её желудок, но и сознание, и стала смотреть на вещи несколько по-другому. Она мотнула головой и увидела, что Тору начал пить. Из горла.

- Тору... - тихо сказала она, глядя на него. Что же, была не была. Может она сейчас совершит самый ужасный поступок в своей жизни, но ей не хотелось бы, чтобы он пил один. - Не надо пить... одному. Я... я рада, что Маргарита подлечила тебя и ты не отказался от её помощи... - Она шмыгнула носом. Вгляделась в его лицо. Теперь она увидела, что что-то в нем поменялось. Он похудел и осунулся. Может он всегда таким был, просто она не замечала этого? - Ты плохо выглядишь. У тебя что-то произошло?

Тору Мотидзуки

От затаившегося возлияния его остановил голос Яреци, предлагающий разделить алкоголь с ней. Эта идея не показалась Тору особенно хорошей, но он не стал с ней спорить, позволяя принять самостоятельное решение. Все-таки, если он решил видеть в ней не девочку, а женщину, стоило быть последовательным и давать ей право самой выбирать, как поступить в той или иной ситуации.

- Если решила пить, то не забывай есть. – Тору, наконец, уселся напротив и налил настойку в принесенные пиалы, причем ту, которую поставил перед Яреци, он наполнил лишь на треть, в то время как свою – до краев. Хотя он и не стал отбирать у девушки права на распитие алкогольных напитков, он все равно не смог побороть волнение за ее здоровье. Японец не знал, как на ее организм может подействовать настойка и очень не хотел, чтобы Яреци снова страдала из-за его неосторожности.

- Спасибо, что называешь меня по имени. – Тору и представить боялся, как бы он себя чувствовал, вернись девушка после недавней близости к привычному «мистер Мотидзуки», мгновенно создающему между ними непреодолимую пропасть. Так что собственное имя, произносимое ее мелодичным голосом, казалось ему прекрасной музыкой, дающей надежду на то, что нечто важное, промелькнувшее между ними сегодняшним утром еще не потеряно безвозвратно.

- Просто последнее время я слишком много тренировался и слишком мало ел. – Тору опустошил свою пиалу и потянулся за бутылкой, чтобы налить следующую порцию. Он не знал, как еще ответить на вопрос Яреци. Признаться, что кроме перечисленного он постоянно думал о ней? И что эти мысли заставляли его чувствовать себя еще более одиноким, чем до их встречи? Пожалуй, для такой откровенности ему не хватало еще пары-тройки пиал настойки. Но и это было поправимо, причем уже в ближайшем будущем.

Яреци Фернандез

Лапша была вкусная, и девушка не заметила, как съела почти всю порцию. Хотя и поняла, что многие привычки, если ими не пользоваться, забываются. Вот пользование палочками, например. Она их держала как-то неуверенно, иногда не получалось ими зацепить лапшу, и это её нервировало. Но вряд ли в этом доме есть нормальные столовые приборы, к которым привыкла она. Даже в монастыре было несколько вилок и ножей, а также прочих столовых приборов.

Тем временем Тору налил ей алкоголь, и она, посмотрев на пиалу, сглотнула. Почему-то расхотелось пить, что-то вроде интуиции кричало ей, что не стоит этого делать, но она не знала, что есть правильно. Пить, не пить, уйти или остаться? Алкоголь раскрепощает - это все знают. Но он ещё и уничтожает. Под действием алкоголя нередки случаи всяких ужасов, или просто разговоров, темы которых затрагивать не хочется. Она боялась этих разговоров, она чувствовала, что они могут быть, чувствовала, что Тору, у которого, как она поняла ещё тогда, до своего отъезда, жизнь была не совсем лёгкая, может ей что-нибудь рассказать о себе, излить душу. Чувствовала, но очень надеялась, что это не будет так.

Она и сама не заметила, как её шальные ручонки потянулись к пиале. Напиток показался вкусным, но немного жгучим. Она заела лапшой и посмотрела на

мужчину. У него снова была полная пиала, и она слегка укоризненно покачала головой. Он же не будет напиваться? Он же не будет рассказывать о себе? Пусть лучше он улыбается, смеётся. Она вспомнила его улыбку, когда они вкручивали лампочки на веранде в монастыре. Она вспомнила его счастливую улыбку сейчас, несколько часов назад. Этот человек достоин счастья, она не хочет, чтобы он грустил.

- Если бы ты знал, как мне трудно давалось это неформальное к тебе обращение несколько минут назад... - хмыкнула она. - Я воспитана была в суровых русских условиях. Наша школа была, конечно, не институтом благородных девиц, но что-то вроде образцово-показательной. Нам с детства вдалбливали правила этикета. Ко взрослым обращаться только на "вы" и никак иначе. Даже к тем, кто нравится... помню, моя одноклассница... - она на секунду задумалась, поняв, что напрочь забыла её имя, - влюбилась в учителя английского. Он был старше... намного... она как-то к нему обратилась по имени и сказала "ты". Потом был скандал жуткий...

Она не знала, зачем это всё говорит, ей просто хотелось говорить. Как всегда нести чушь, которая вообще не относится к ни к теме разговора, ни к обстановке. Она осторожно подвинула свою пиалу к нему, чтобы он плеснул туда ещё немного напитка.

- Ты сам есть не забывай, - кивнула она на его миску с едой, - ты очень вкусно готовишь, а сам не ешь...

Тору Мотидзуки

Рассказ Яреци о влюбленности одноклассницы в учителя вызвал у Тору неприятное тянущее чувство в груди. Он в очередной раз напомнил ему об огромной разнице в возрасте между ним и девушкой, которая уже начала ему представляться каким-то монстром, пожирающим надежды на светлое будущее. И пока он не знал, как с этим монстром бороться.

- Не думаю, что в России дела с неформальным общением обстоят хуже, чем в Японии. У нас по именам друг друга называют только близкие люди.

Тору снова опустошил пиалу, игнорируя неодобрительный взгляд Яреци. Он пил очень редко и обычно не перебарщивал с количеством алкоголя, но сейчас неприятное чувство собственного бессилия заставляло его снова и снова вливать в себя горячительный напиток, надеясь на то, что он поможет изгнать из головы тягостные мысли.

Яреци подвинула к нему пустую пиалу, и он посчитал возможным наполнить ее, на этот раз, до половины. Судя по всему, девушка переносила алкоголь нормально, и его небольшое количество не должно было как-то заметно сказаться на ее состоянии. Сам же Тору уже начал чувствовать некоторые изменения в своем организме – первые предвестники будущего алкогольного опьянения, но пока они были еще настолько незначительны, что японец решил не уделять им особого внимания.

- Да я вообще полезен в хозяйстве. – Тору было приятно положительная оценка

Яреци его кулинарных способностей. После утреннего инцидента он волновался, что приготовит что-нибудь из нелюбимых девушкой блюд. Ведь если разобраться, он практически ничего о ней не знал. Ни о ее предпочтениях в еде, ни о других вкусах. Разве что о вкусе на мужчин, который явно оставлял желать лучшего. И ему очень хотелось заполнить этот пробел, сколько бы времени на то не потребовалось.

- А что ты вообще любишь есть? Как я понял, молоко ты не переносишь. - Про себя Тору согласился с тем, что пить на голодный желудок – не самое разумное занятие, поэтому, задав вопрос, приступил к лапше, которая уже успела немного остыть. Пожалуй, это блюдо ему действительно удалось, хотя и было приготовлено из простых ингредиентов, которые можно было найти на деревенском рынке.

Яреци Фернандез

- Мне кажется, это везде так. Вот если почитать романы типа "Джейн Эйр", то там и к родителям обращаются на "вы", - она пожала плечами, забирая свою пиалу обратно. Пить пока не хотелось. Она посмотрела на свою пустую миску, а желудок всё ещё требовал еды. Тихое его урчание ей показалось очень громким, и она налилась румянцем смущения. - Я... можно мне добавки? Я долго ничего не ела, и хочется кушать, - скромно произнесла она, глянув на него просящими глазами, как у кота из знаменитого мультика. Сделала она это специально, надеясь хоть как-то поднять ему настроение, развеселить его, вызвать на его лице хоть какое-то подобие улыбки. Ей казалось, что он грустил, и хотелось сделать хоть что-то, чтобы ему стало легче хоть немного...

- Я редко встречала мужчин, которые умеют готовить. Кроме поваров. Ну и моего папы. Он любит готовить мексиканскую пищу, острую, я такую не ем. - Она на секунду замолчала и, чтобы как-то скрыть это неловкое молчание, выпила весь напиток, плещущийся в пиале. По сердцу резануло воспоминание о ссоре с папой, о том, что он сказал, что больше ей не даст денег. Правильно ли она поступила, сбежав из дома? Правильно ли она сделала, когда рассказала папе о Тору, тогда ещё мистере Мотидзуки? Почему папа сказал, что это всё девичьи грёзы, и из этого ничего не выйдет?

Секунда слишком затянулась, и девушка мотнула головой. Потом посмотрела на мужчину и слабо и чуть виновато улыбнулась.

- Извини... - не важно, за что, совсем не имеет значения, что он не поймёт о чём речь. Грузить его ещё и своими проблемами она совсем не хотела. Да и что можно рассказать? И какой он может дать совет? Совет тут один - попросить у папы прощения, наладить отношения с родителями. Вернуться домой, продолжить учёбу в институте. И... и забыть. О трех главных вещах, произошедших в ее жизни за последний год: о Тору, о монастыре и об этом прекрасном чувстве, накрывшем её, как только она увидела сидящего на ступеньке крыльца Тору, с которым не случилось ничего страшного... О двух вещах она забывать не желала. И монастырь не входит в этот список.

- Я молоко ненавижу, это разные вещи... особенно в горячем виде. Там пенка образуется... и я помню, как нам в начальной школе давали какао. В таких алюминиевых чайниках. Разливали в кружки. И там была эта пенка... бе... - она

усмехнулась и передернула плечами. - А так... ну что я ем... супы люблю, картошку с укропом... тортильи мне нравятся... это мексиканские лепёшки из кукурузной муки. Я вообще всякая.

Тору Мотидзуки

Просьба Яреци о добавке Тору не удивила. Поговорив с Маргаритой, он понял, что девушка уже давно не видела нормальной еды, так что приготовил больше, чем требовалось для двух взрослых людей. Потому, даже без умильного просящего выражения лица, Яреци получила бы своё. Хотя при таком раскладе, она бы не вызвала у Тору острое желание потрепать её по голове, прежде чем забрать миску и отправиться за новой порцией, которое он, после некоторых колебаний все же воплотил в жизнь.

-Когда долгое время живешь один, ты либо учишься готовить, либо ешь, что попало и тем самым зарабатываешь себе всякие болезни. Я выбрал первый вариант.

Тору уже и забыл, если не брать в расчёт историю с яичницей, когда последний раз ел домашнюю еду, приготовленную кем-то кроме него самого. После развода прошло уже больше десяти лет, и за это время он совершенно отвык от заботы со стороны окружающих, касающейся каких-либо бытовых вопросов. С родителями и другими родственниками, кроме одного из своих племянников, он перестал общаться в то же время, а остальные его контакты ограничивались деловыми, наставническими и приятельскими отношениями и, небольшим плюсом к этому, короткими связями с женщинами. Так что все произошедшие моменты, возвращающие ему ощущение домашнего уюта, были так или иначе связаны с девушкой, сидящей сейчас за столиком и ожидающей добавки.

-С мексиканской кухней я не знаком совсем. - Тору снова поставил перед Яреци миску, полную лапши. - Так что все мои кулинарные эксперименты ограничиваются японской и европейской.

Про себя он подумал, что в будущем стоит заняться изучением этого вопроса. Ведь кто знает, может быть, сегодня он готовил для Яреци не последний раз. По крайней мере, ему бы этого очень хотелось.

-Кстати о твоём отце, да и матери тоже. - Тору прервал недолгое молчание, установившееся, пока он доедал свою лапшу и опустошал очередную пиалу, с сожалением констатируя, что бутылка подходит к концу, и, вероятно, ему в ближайшее время снова придётся заглянуть в запасы старика Жонга. - Скажи честно, как на твой неожиданный отъезд отреагировали родители?

Тору чувствовал, что не могли отец и мать Яреци спокойно отпустить её непонятно куда и непонятно зачем в разгаре учебного года. Так что стоило сразу прояснить этот тревожащий его вопрос.

Яреци Фернандез

Когда он положил свою ладонь на ее голову, она ощутила нежность и что-то еще, что не могла понять и описать словами. Ей захотелось, чтобы он так и стоял, положив руку на ее голову. Но это невозможно. Также как и поставить мир на паузу.

Она вздохнула, когда он ушел, и налила себе немного настойки. Немного - это почти полную пиалу. Быстро выпила и зажмурилась от неприятного жгучего ощущения, появившегося где-то в районе желудка.

- Я тоже не сильна в кухне своего народа, я в Мексике была всего три или четыре раза. Знаю только кесадилью, мохито и тортильи. И всё. Но могу что-нибудь приготовить. Если хочешь, я тебе как-нибудь что-нибудь приготовлю... пасту итальянскую, например...

Она пару раз готовила пасту, причём полностью, с приготовлением теста для неё, разрезанием вручную на ровные полоски. Конечно, ровными они не были, но всем понравилось. Тяжело, конечно. Но интересно. И успокаивает нервы. Как раз то, что нужно. Ей хотелось тоже что-то сделать для мужчины. Один раз она зашивала его куртку. И если бы обстоятельства того дня сложились бы иначе, то она бы не стала этого делать. А так она точно определилась с будущим, решила связать свою жизнь с творчеством.

Его вопрос о реакции родителей на отъезд заставил её вздрогнуть и болезненно поморщиться. Она хотела до последнего оттянуть этот тяжёлый момент, надеясь, что разговор будет не сейчас. Но звёзды, видимо, распорядились иначе. Что рассказывать мужчине, чтобы не загрузить его? Он ведь тоже заставит её вернуться домой. Но она не хочет возвращаться. Точнее, хочет, но ведь не бывает так, чтобы иметь всё. Чтобы что-то получить надо что-то потерять. Она не хотела терять. Если она уедет, то вдруг с ним опять что-то случится? Вдруг он снова пойдет в горы, снова получит травму, а у нее не будет возможности приехать к нему? Но ведь нельзя бросать учебу, к которой она так долго готовилась, нельзя бросать мечту, к которой она так долго шла, только чтобы быть рядом с Тору. А вдруг это действительно всего лишь девичьи грёзы, у которых нет ничего общего с реальностью? Она боялась представить себе, что будет, если он не сможет видеть в ней женщину и она останется для него всего лишь маленьким забавным ребенком. Хотя, если быть откровенной с собой, то она понятия не имела, как ведут себя настоящие женщины. Что они делают, как относятся к мужчине, которого любят. Она смотрела на родителей, видела в их глазах счастье, они почти не ссорились, но не знала, какие у них были друг к другу чувства. Да и разница в возрасте была банальной, всего пять лет. Самый хороший возраст, как всегда говорила мама...

Возможно, это было вызвано алкоголем, а может еще чем-то типа обстановки, но она решила, вспомнив давний и единственный разговор с Дарсией, кажется, ее так звали, когда та говорила, что пойдет и скажет своему парню все о своих чувствах, решила сделать то же самое. Храбрости она так и не наберется, но будь что будет. Кто знает - может после этого станет легче. Главное не разреветься.

- Они были против. Папа дал мне пощечину и забрал билет. Он купил билет с открытой датой, чтобы я могла в любой день поехать... там на определенный срок даты... я ему рассказала об этих снах, потом сказала, что не могу жить, не убедившись сто с тобой все в порядке. Разумеется, он сказал, что это всего лишь моя больная фантазия... мои чувства к тебе... я поссорилась с родителями и сбежала из дома. Я пока училась, то работала... хотела тебе вернуть деньги за билет... но я их потратила... а потом я встретила Маргариту, и она меня накормила. А папа... он мне сказал, что не даст мне больше денег и вообще не ждет меня

больше...

На глаза выступили слезы. Она сильно закусил губу, чтобы не разреветься, но это не помогло. Слезы потекли по щекам. Она была бы рада остановить новый поток слов.

- Я... я люблю тебя, я боюсь тебя терять. Мне было больно прощаться с тобой в аэропорту, я несколько недель плакала... я пыталась заглушить боль, я даже порвала портрет, чтобы тебя забыть. Но я всегда вспоминала тебя... я... ментальный маг, могу читать мысли... я прочитала мысли Максима. Я думала, что нравлюсь ему, но он хотел только переспать со мной, а потом бросить. Он считал меня "глупой сучкой", которая возомнила, что нравится ему... я не смогла тебя забыть. Я хочу быть с тобой. Я... мне... прости...

Всхлипы перешли в рыдания, и она выбежала из кухни в ванную комнату. Рыдания долго ее мучили, и она, умывшись ледяной водой, слегка успокоилась, но осталась стоять там, облокотившись о раковину и опустив голову. Легче не стало, стало как-то паршиво...

Тору Мотидзуки

Задавая вопрос, Тору даже и не предполагал, что тот вызовет у Яреци такую бурю эмоций. Мотидзуки догадывался, что ее отъезд мог проходить болезненно, но все оказалось даже хуже, чем он думал. Яреци разругалась с родителями, бросила все и сбежала из дома, измучалась морально и физически и все из-за чувств, которые он каким-то образом умудрился породить в ее сердце. И это новое знание вызвало с десяток самых разнообразных эмоций, разрывающих на части своей противоречивостью. Тору злился на себя и эту глупую реальность, мучающую дорогого ему человека и, в тоже время не мог скрыть своей радости от понимания своей важности для Яреци.

Он не перебивал девушку, не задавал ей вопросов, позволяя высказать все, что ей хотелось. После истории о родителях последовало упоминание какого-то Максима, сразу вызвавшее у Тору желание как минимум оторвать тому голову, а затем рыдания и побег Яреци к умывальнику. Уже не первый раз за сегодня девушка заливалась слезами, причиной которых по большому счету был он сам, и это причиняло Тору почти физическую боль и требовало сделать хоть что-то, чтобы загладить свою, пусть даже косвенную, вину.

Рыдания затихли и Тору, залив для смелости в себя остатки настойки, отправился проверить, все ли в порядке. Яреци он обнаружил стоящей, облокотившись на раковину, в позе, выражающей всю тяжесть навалившихся на нее переживаний. Пытаясь сделать хоть что-то, чтобы ее успокоить, Тору нежно провел рукой по ее спине, а когда девушка немного выпрямилась, осторожно обнял сзади, обхватив руками в районе талии и положив голову ей на плечо.

- Ну что ты так расстраиваешься, хорошая моя. Мы со всем разберемся. Решим вопрос с твоими родителями и учебой. Я изобью Максима, и все будут счастливы. Ну, кроме Максима, но он сам виноват. Нечего вести себя как последняя скотина, тем более по отношению к чужим женщинам.

Произносимый текст Тору во многом нашептывал употребленный ранее алкоголь, заставляя его сразу говорить то, что приходит в голову, не замечая некоторой провокационности отдельных выражений.

Желание как-то поддержать и успокоить Яреци заставило Тору вспомнить себя, в то время, когда он еще был маленьким мальчиком, прибегающим со всеми своими проблемами к бабушке. А та, в свою очередь, его обнимала, гладила по голове и напевала одну старую песенку, слова которой сейчас почему-то пришли ему на ум и стали проситься наружу.

Тору пел редко, особенно что-то столь личное и связанное с детскими воспоминаниями, но сейчас подобное поведение казалось ему уместным. Он крепче обхватил Яреци, приподнял голову и затянул эту старенькую песню на японском языке, плавно покачиваясь и увлекая тем самым за собой девушку в такт мелодии. И пусть она не понимала значения слов, их звучание и ритм, создающие особую атмосферу, говорили больше, чем мог бы сказать он сам.

Яреци Фернандез

Рыдания снова перешли во всхлипы, и она снова умылась. Холодная вода уже не помогала, на душе было отвратительно. В основном из-за того, что она в очередной раз ревела. Она не привыкла никому показывать свои эмоции, даже в школе она плакала не так часто, как сейчас. Тогда было больно, но сейчас, если сравнивать те эмоции с тем, что происходит сейчас... этт было все совсем разное. Тогда было детство, да и нельзя это сравнивать. Она Пашу забыла достаточно быстро, но Тору, ее милого Тору она не смогла забыть, хоть и прикладывала к этому много усилий. Нельзя забыть то, что прочно сидит в сердце. Никогда. Тору прокрался в ее сердце и устроился там удобно и вольготно.

Она стерла слезы и только захотела вернуться к нему, думая, что говорить дальше или молчать, как почувствовала его руку на своей спине. Выпрямилась, и он ее обнял. Она прикрыла глаза и положила свои руки поверх его ладоней. Сглотнула, когда он сказал, что снова поможет ей. Она не хотела, чтобы он помогал ей. Чтобы тратил свои деньги на нее... а может и хотела. Она не могла понять, как на это отвечать. А вот фраза про чужих женщин вызвала целую бурю эмоций. Он что-то испытывает к ней? Он не считает ее ребенком?

Но отвечать и не надо было. Она молчала, наслаждаясь каждым прожитым мгновением с ним. Ей хотелось посмотреть в его глаза, но она боялась, что снова спровоцирует его на поцелуй. Тем временем он начал тихо напевать какую-то песенку, его нежный голос обволакивал ее сознание, заставляя забыть о проблемах, боли, страхе. Она покачивалась в такт вместе с ним и ловила себя на мысли, что всхлипывания становятся тише и слабее...

Она повернулась к нему лицом и положила руки на его плечи. Заглянула в его глаза.

- Спасибо... я... не знаю, что на меня нашло... прости меня... - тихо прошептала она.

Тору Мотидзуки

Песня была короткой, но за то время пока она продолжалась, Тору чувствовал, как Яреци понемногу успокаивается и позволяет себе просто покачиваться вместе с ним в такт мелодии. В детстве бабушка говорила, что эта песня волшебная и забирает все печали, если петь ее с душой. Конечно, Тору давно вырос и не верил в подобные вещи, но сейчас ему очень хотелось, чтобы хоть что-то из слов бабушки было правдой.

Его голос затих, и Яреци повернулась к нему лицом и положила руки на плечи. Почему-то сейчас она казалась ему еще более хрупкой и нуждающейся в его заботе, чем обычно. И он был бы рад любой возможности продемонстрировать свою надежность и показать, что будет поддерживать ее, чтобы ни случилось.

- Да что же ты все время извиняешься, да еще и плачешь? Такая красивая, а глаза все время красные. Нет, так дело не пойдет.

Шальная мысль, видимо, тоже нашептанная действием настойки, пронеслась в его голове и заставила подхватить девушку на руки, вытащить на середину ближайшей комнаты и закружить так быстро, насколько позволяли его немаленькие физические возможности. Наверное, после употребления алкоголя подобные действия были неразумны и могли привести к неприятным последствиям, вроде головокружения или тошноты, но он о них не думал, следуя очередному порыву.

Остановившись и поставив Яреци на пол, Тору почувствовал, что реальность как-то подозрительно пошатнулась, но не стал придавать этому особого значения. Его больше заботило чувство жара, охватившее его тело и вызывавшее желание снять с себя хотя бы футболку. И он уже начал было это делать, раскрыв большую часть торса и вытащив руку из одного рукава, как вспомнил, что за этим процессом сейчас наблюдает Яреци и, вообще, обнажаться в ее присутствии как-то не хорошо. Стараясь исправить положение, он начал натягивать футболку обратно, но, став жертвой взбесившейся одежды, никак не мог попасть в рукав, из которого только что вытащил руку. Если бы ему свойственно было краснеть, он бы уже, наверное, залился краской до самых кончиков ушей, насколько глупым он себя сейчас чувствовал. Оставалось надеяться, что Яреци, глядя на творящееся безобразие, хоть немного развлечется и ненадолго забудет о своих печалях.

Яреци Фернандез

- Я... я не знаю... я постараюсь не плакать больше, - она виновато опустила голову, потом прикусила губу и снова посмотрела на него. В голове до сих пор звучали слова только что спетой песни. Его голос оказался нежным, мелодичным, слегка подрагивающим, но не от волнения. Она не знала, как это называется, такой приём иногда использовали некоторые певцы, чтобы песня казалась более чувственной. В общем, это было неважно.

А потом он взял её на руки и куда-то понёс. Она сначала напряглась, представив себе, что он сейчас положит её на спальное место, залезет на неё, и они будут... она сглотнула и мотнула головой. Нет, сопротивляться она не будет ни в коем случае, просто ему может не понравиться, что она ничего не умеет. Он же уже профессионал в этом деле... Да, алкоголь действительно творит удивительные дела. Или мозг девушек реально состоит из чего-то странного, способного за

несколько секунд напридумывать столько, что диву даёшься.

Но нет, всё, что она напридумывало, не было реализовано. Тору её закружил. Быстро-быстро, и она заурчала от удовольствия, покрепче обвив его шею руками и прислонившись головой к плечу. Закрывает глаза, так как это вызвало легкое головокружение. Она сглотнула. Он поставил её на ноги, и она пошатнулась. Мотнула головой и почувствовала себя несколько лучше, если можно так сказать о новых приступах сильной головной боли. Но хотя бы появилась какая-то надежда, что всё будет лучше, чем сейчас...

Когда он начал снимать футболку, в которой потом умудрился запутаться, она улыбнулась и прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться в голос - это выглядело очень забавно. Бросив мельком взгляд на стол, она увидела пустую бутылку, но помнила, что, убегая реветь, там ещё плескался напиток. И было его прилично, где-то чтобы наполнить пиалу. Следовательно, Тору уже изрядно выпил этого напитка.

- Тору... ты милый. Тебе, мне кажется, уже хватит пить, к тому же ты всё выпил, не оставив мне, - боже, что она несёт? Но сейчас вот было всё равно, наверное, алкоголь тоже сыграл с ней в игру, и в этой игре она победить не смогла. - Отправляйся-ка ты спать. Я... посторожу твой покой...

Ох, если бы она знала, что сейчас не только щёки, но и всё лицо пунцового цвета, то... ничего бы не было. Всё это абсурдно до безобразия, но и забавно в чём-то.

Тору Мотидзуки

Наконец Тору удалось победить в эпичной битве человека и одежды и вернуть футболку на ее законное место. Задорные огоньки в глазах Яреци и последовавший комментарий подсказали ему, что зрелище хотя бы смогло ее повеселить, а значит, все было не так уж и плохо. В любом случае, отразившиеся на ее лице изменения, шли ей намного больше, чем печаль и слезы. Хотя, глядя на родное девичье лицо нетрезвым взглядом, Мотидзуки пришел к выводу, что она хороша в любом состоянии и нравится ему, как бы ни выглядела и что бы ни делала.

- А я не хочу спать.- Как-то по-детски упрямо заявил Тору. – И вообще, я знаю, где достать еще.

Не желая слушать возражения девушки, японец направился в комнату старика Жонга и снова залез в его запасы. Среди местных напитков он с удивлением обнаружил бутылочку бренди, видимо, кем-то подаренную специально для его коллекции. Пообещав себе возместить ущерб старика, который, наверняка устроит скандал, обнаружив пропажу, Тору вернулся к Яреци и энергично замахал бутылкой, демонстрируя свою добычу. Наливать девушке он особенно не хотел, но сам был не против опустошить еще пару-тройку пиалок. Чем и занялся, энергично откупоривая бутылку.

Не то, чтобы он собирался напиться до скотского состояния, но, пожалуй, это был один из тех редких моментов, когда начав, становится очень трудно остановиться. Конечно, Тору не желал, чтобы Яреци увидела его с неожиданной для нее и,

вероятно, не слишком привлекательной стороны, но в него словно вселились какие-то демоны, требующие безумных поступков, ну или хотя бы небольших шалостей. В чем они будут выражаться, он пока еще не придумал, но чувствовал, что если Яреци твердо решила уложить его спать, то у нее могут возникнуть с этим ощутимые трудности.

Яреци Фернандез

- Не хочет он спать, - передразнила девушка, показав ему вслед язык. Удивительно, кажется алкоголь все-таки захватил ее сознание. Весь тот поток слов, эмоций и рыданий был вызван стрессом, переживаниями. Она выговорилась, и стало как-то легче. И пусть она потом осознает, что признавалась ему в своих чувствах, но это будет утром, а может и вообще не будет этого осознания. В психологии девушка не была сильна, так что она даже не имела представления, как правильно поступить в той или иной ситуации. Но, как говорится, что сделано то сделано, и обратного пути нет. По крайней мере, как показывает практика, она создана для того, чтобы говорить, а потом думать, что говорила. Сейчас, после эмоционального всплеска, хотелось говорить, выслушать, напиться в конце концов.

Мысль вдрабадан напиться вместе с ним возникла у нее совершенно неожиданно, когда она увидела в его руке бутылку старого доброго бренди. Нельзя сказать, что она любила этот напиток, она его пробовала пару раз, когда дома были гости, и помимо мохито, текиллы и капериньи, напитков латинской Америки, присутствовали также что-то близкое по духу европейцам. Папа раньше много путешествовал, так что знакомых у него во всем мире было очень много, и все дуг друга, когда оказывались в гостях, угощали напитками. Фернандез не стала боле лукавить, что никогда в жизни не пила, конечно вот так, как сейчас, она не пила ещё, но что-то пробовала, и это ей не нравилось. Она и вкуса бренди-то не помнит, помнит только ощущение огня в желудке.

Она села за столик и посмотрела на остывшую лапшу. Если бы она была магом Огня, то смогла бы хоть немного подогреть еду, но она была магом Воды. Точнее могла бы быть, если бы занималась. Если бы не влюбилась в Тору. Вот как бывает - живешь себе спокойно, а потом случайно ноги заносят тебя на занятие к новому мастеру. И все, больше ты не можешь ни о чем думать. И начинаешь, оказавшись с ним наедине, задавать неудобные вопросы... Тору откупоривал бутылку, и она строго на него посмотрела и кивнула на стол - мол, надо пить за столом, а никак иначе. И делить выпивку с ближним своим. А то ближний расстроится.

- Садись и доедай лапшу, пока она не остыла окончательно, а там и выпить можно. Не хорошо пить из горла, когда ближний тоже нуждается в выпивке, - сказала она, абсолютно не понимая, что несёт. А, плевать. Живём один раз, и точка! Какая-то там часть сознания сделала знаменитый жест рука-лицо, но она была настолько ничтожной, что Яри даже и не заметила, что ведёт себя сейчас совсем не подобающим образом.

Тору Мотидзуки

Вместо того чтобы встретить его недовольным ворчанием и попытками прекратить алкогольные возлияния, Яреци уселась за столик и начала требовать свою долю. Причем то, в какой форме и каким тоном она это сделала, заставило Тору

многозначительно усмехнуться. Видимо на поведение девушки тоже успела оказать влияние выпитая настойка, ну или он еще очень многого о ней не знал...

- Командуем? – Тору чувствовал, как внутренние демоны толкают его на не самые разумные поступки, но никак не мог их усмирить. Вместо того чтобы просто удовлетворить просьбу Яреци, он поставил бутылку на столик, опустил на циновку рядом с девушкой и медленно начал всем телом двигаться в ее сторону.

- А если я не буду слушаться? – Его губы, в какой-то момент чуть было не встретились с губами Ярецы, но, за секунду до этого остановились, описали полукруг и практически коснулись уха девушки, обжигая его провокационным шепотом.

Но еще мгновение, и Тору отодвинулся и с довольным лицом начал разливать бренди по пиалам. Конечно, он даже в нетрезвом состоянии не собирался позволять себе по отношению к Яреци ничего лишнего, но отказать себе в небольших шалостях и не посмотреть на последовавшую за ними реакцию девушки, сейчас было выше его сил.

- Не зря я как-то назвал тебя хулиганкой. – Тору поставил полную пиалу перед Яреци, собираясь посмотреть, как она поступит. – И алкоголем ты, оказывается, балуешься и мужчинам направо и налево головы кружишь. И что мне теперь с этим знанием делать?

Мелькнувшая на его лице хитрая улыбка намекнула, что произнесенные слова не стоит воспринимать серьезно. В другой ситуации он, пожалуй, был бы аккуратнее с выражениями, но тормоза, благодаря алкоголю и общей ослабленности организма работали плохо и, более того, грозили в любой момент отказать окончательно.

Яреци Фернандез

- Да я и сама не знаю, что мне от себя ждать, - тихим шёпотом произнесла девушка, всеми силами ловя уходящий в глубокую спячку на неопределённое время здравый смысл, рассудок, чтобы не поддаться на провокацию со стороны мужчины. Этими же остатками трезвости, которых осталось совсем немного, она стала понимать, что только что ступила на очень опасный путь. Она позволила себе напиться, чтобы забыться, а это может привести не к очень хорошим последствиям. Она боялась думать, что может наступить за тем, если ответит на поцелуй. Но она сдержалась, хотя и очень хотела, и слегка отвернулась от него.

Он налил по пиалам выпивку, и она настороженно посмотрела на эту коричневую жидкость. Она знала, что у бренди градусов намного больше, нежели чем у настойки, что они пили, но вот точно не знала, как правильно нужно смешивать - на уменьшение или на увеличение. Это как смешивать серную кислоту с водой, чтобы остаться живым после этого. И вот она не помнила, что куда надо вливать. Так что ситуация, образовавшаяся за столиком, её немного пугала. А вдруг этот бренди будет лишним? А вдруг распитие этих напитков негативно отразится на Тору? Что делать тогда нужно будет? Она не представляла, что делать, если ему станет плохо. И это пугало. Как и то, что она не знала, что со всей этой ситуацией делать. Идти на поводу или ждать, когда он напьётся? Нет, этого ждать точно нельзя, всё-таки она

совсем не для того сюда приехала, чтобы его спoitь. И она не считала, что он сам виноват, что не сдержался и начал пить.

- Тору... - осторожно сказала она после, как ей показалось, затянувшегося молчания, - давай выпьем на бур... бду.. брудершафт, во, - она взяла свою пиалу и посмотрела на него, улыбнувшись. Чёрт, пусть случится так, как случится, но.. она не будет ни о чём жалеть. По крайней мере, многие же люди специально употребляют алкоголь, чтобы как-то расслабиться, так почему же ей нельзя? И почему она решила, что Тору нельзя? И раз она ступила на опасный и коварный путь, то... она не испугается.

Тору Мотидзуки

Предложение Яреци, ранее не поддающейся на провокации с его стороны, заставило руку Тору замереть в воздухе до того, как дно бутылки коснулось стола. Или девушка что-то не знала об особенностях распития алкоголя на брудершафт или она, со свойственным женщинам непостоянством, решила изменить до того достаточно целомудренный характер их общения. В любом случае, Тору сейчас находился не в том состоянии, чтобы найти в себе силы отказаться.

Поставив бутылку на стол и подняв свою пиалу, японец дождался аналогичного действия со стороны девушки и, согласно традиции, перекрестил их руки. Поднося емкость с бренди к своим губам, Тору не сводил глаз с Яреци, стараясь понять, что же творится в ее голове. Даже выговорившись и признавшись в своих чувствах, она все равно во многом оставалась для него загадкой, которую он планировал разгадывать постепенно, уделяя внимание каждой мелочи.

Бренди обжигало, добавляя «огня» в и без того накаляющуюся ситуацию, и Тору, подчинившись общей атмосфере, решил не останавливаться только на распитии алкоголя, а перейти к тому, ради чего, все это, в каком-то смысле и затевалось – к поцелую. Дождавшись, когда Яреци отведет руку с пиалой от своего лица, Тору, воспользовавшись возможностью и коснулся своими губами ее губ, ощущая, как к их вкусу примешивается вкус только что выпитого бренди. По-хорошему, на этом следовало и остановиться, но он уже не мог ничего поделать с накрывающими его желаниями, продолжая терзать губы Ярецы со всей разыгравшейся страстью. Пустая пиала полетела в сторону, освобождая обе руки, чтобы сначала крепко прижать девушку к себе, а потом опустить ее на циновку, оказываясь тем самым сверху и продолжая ее целовать так жадно, словно каждый поцелуй мог стать последним.

В какой-то момент его губы спустились ниже и собрались уже было коснуться нежной кожи шеи Яреци, как его пронзила мысль о том, что он творит что-то совершенно непотребное. Осознав это, от девушки Тору «отлетел» со скоростью, достойной убегающей от хищника добычи, хотя, по факту, он только что выступал в противоположной роли.

- Ты права, мне пора спать. – Японец подорвался и бросился к входу в комнату старика Жонга, но не вписался в дверной проем и больно ударился плечом. – Со мной все нормально. Если захочешь отдохнуть, иди в ту комнату, где спала. – На дальнейшие комментарии Тору не хватило, и он скрылся в «логове» старика, пытаясь хоть немного успокоить бешеное биение сердца. Еще пара минут в

обществе Яреци, и он бы точно уже не смог себя остановить, так что стоило немного побыть одному и успокоить разбушевавшиеся эмоции.

Завалившись прямо в одежде на спальное место старика, он прикрыл глаза и постарался погрузиться в спасительное забытие. Пожалуй, в своей комнате спать он бы уже не смог. Она теперь стойко ассоциировалась у него со спящей Яреци и вызывала мысли, мало способствующие спокойному засыпанию. Так что старик Жонг, сам того не зная, своим отъездом, спасал его от новой порции физических и моральных мук.

Яреци Фернандез

Слышать-то это слово она слышала, но вообще не представляла, что оно значит. Так, пару раз видела в каких-то фильмах. Там пили и целовались. И всё. И то в одном просто выпили и легли спать. Что это были за фильмы, она, конечно, не вспомнит, но общий смысл она поняла только сейчас. В тот момент, когда Тору внимательно посмотрел на неё, не успев даже поставить бутылку на стол. Она сглотнула и слегка испуганно посмотрела на него, но отступать уже было некуда, и она выпила бренди. Не всю пиалу, а только пару глотков. Но и этого хватило. Голова сильно закружилась, появилась горечь во рту, этот напиток оказался не таким вкусным, как она предполагала. Ей казалось, что если он сделан из вина (или на основе вина), то должно обладать приятным и терпким вкусом и ароматом. Немного сладким на вкус. Так она думала, но действительность оказалась суровее. Кроме противного послевкусия ничего хорошего этот напиток не принёс. Она зажмурилась, на глаза выступили слёзы. Она даже немного закашлялась.

Но Тору стал её целовать, и она, поддавшись порыву, обхватила его шею руками, запустила пальцы в волосы, и стала его страстно целовать, даже покусывать его губы. Она даже замурлыкала от наслаждения, позволила ему себя уложить на циновку и заглянула в его глаза. Услышала звон разбившейся пиалы, впрочем сейчас не до неё...

Впрочем, звон пиалы как будто что-то сделал. Разрушил этот ужас, творившийся на циновке. Она открыла глаза в тот момент, когда он отстранился от неё и пулей отбежал. Она с непониманием посмотрела на него, но какая-то маленькая частица здравого смысла, проснувшись, заставила её густо покраснеть, а потом резко побледнеть. Она поняла, что только что чуть не сделала что-то ужасное. Она... она спровоцировала его...

Он ушёл, а она с трудом села. Протёрла лицо руками и зажмурилась. Сильно заболела голова, а к горлу начал подкатывать комок тошноты. Она не помнила, как добралась до ванной комнаты. Состояние было хуже, чем отвратительное - жутко болела голова, было неприятно, появилось отвращение к себе. Она посмотрела на душевую кабину и решила принять, наверное, единственное верное решение - принять душ. Вода всегда успокаивает, помогает прийти в себя.

После душа стало легче. Она оделась, вытерла волосы полотенцем и вышла в коридор. Сначала хотела зайти в комнату, в которой скрылся Тору, но подумала, что с судьбой не стоит играть. А ещё она поняла, что впереди их ждал разговор. Не очень приятный. Не очень хороший. Неужели это будет конец? Она винила себя в

том, что чуть не произошло что-то страшное...
